

Шаталов-Давыдов Д.Ю.

**NON-HUMAN ECOLOGY:
ЭКОКРИТИЦИЗМ И НОВАЯ ОНТОЛОГИЯ ОБЪЕКТОВ^{1,2}**

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, korvet_nn@list.ru.*

Аннотация. В статье обсуждается современное состояние экокритицизма (environmental criticism), стремящегося переосмыслить отношения «человек – окружающая среда» с учетом произошедших изменений в социальных науках. Эти изменения связаны с освобождением объектов от власти «отражения», репрезентации в сознании, и наиболее влиятельными здесь являются работы Ф. Гваттари, Г. Хармана, Б. Латура и др. При применении данных концепций происходит освобождение окружающей среды от привилегированного взгляда человека и, как следствие, рождается non-human ecology. Последовательно освещаются следующие вопросы: 1) как можно определить non-human онтологию и в чем ее отличие от более традиционных для экокритицизма концепций; 2) на каких принципах она строится и каковы последствия применения данных принципов для философии (в качестве методологического базиса берется онтология Г. Хармана); 3) каков возможный эффект и применение онтологии объектов для переосмысления отношения «человек – окружающая среда» (в качестве примера рассматривается творчество композитора Д.Л. Адамса, последовательно применяющего рассмотренные принципы данной онтологии в своей музыке). Делается вывод, что данный подход нашел свое плодотворное применение в современном искусстве, расширяющем понятие окружающей среды до соединения (вплоть до неразличимости) природы, технологии и искусства и при этом снимающем понятие формы (в рассмотренных в статье примерах форма задавалась либо операциональной математической структурой, либо операциональными механизмами выделения розового шума).

¹ © Д.Ю. Шаталов-Давыдов, 2019

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335. (Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-011-00335).

Ключевые слова: экокритицизм; инструмент-бытие; объект; объектно-ориентированная онтология; окружающая среда.

Поступила: 13.05.2019

Принята к печати: 17.06.2019

Shatalov-Davydov D.Yu.

Non-human ecology: Ecocriticism and new object ontology

NNSU n.a. N.I Lobachevsky,

Nizhny Novgorod, Russia, korvet_nn@list.ru.

Abstract. The article deals with the modern state of ecocriticism (environmental criticism) aimed at rethinking human-environment relations taking into account current changes in social science. Those changes are connected with the release of objects from the power of «projection», mind representation. The most influential in the field are the works of F. Guattari, G. Harman, B. Latour, etc. By applying those concepts we release the environment from the privileged view of the Human, which results in the emergence of the non-human ecology. The paper highlights the following issues: 1. How can we define non-human ecology and how is it different from more traditional concepts? 2. What principles does it rest upon and what does the application of these principles result in for philosophy (G. Harman's ontology is taken as a methodological basis)? 3. What are the possible impact and implications of object ontology for the rethinking of human-environment relations (works of composer J.L. Adams are taken as an example. He applies highlighted principles of this ontology in his music)? To sum up, this approach finds its implementation in modern art which broadens the concept of environment up to the merging of nature, technology and art into an integral whole and removes the importance of form (in analyzed examples form is given either by mathematical structure or operational mechanism of getting pink noise).

Keywords: ecocriticism; instrument-being; object; object-oriented ontology; environment.

Received: 13.05.2019

Accepted: 17.06.2019

Введение

Конец XX в. принес с собой повышение общественного внимания к проблемам экологии, ряд глобальных экологических инициатив, реализация которых контролируется ООН (Декларация тысячелетия, Киотский протокол, программы по озеленению и др.). Это, в свою очередь, повлияло и на изменение философского осмысления традиционных проблем философии природы, а также привело к ее реактуализации как по линии переосмысления отношений «человек – окружающая среда», так и по линии освобождения ок-

ружающей среды от влияния человека. В настоящей статье планируется рассмотреть экокритицизм в качестве метода берущий подходы спекулятивных реалистов (Мортон, Де Ланда, Харман и др.) и частично Бруно Латура, связанных с освобождением объектов от власти репрезентации в сознании.

Мы планируем последовательно осветить следующие вопросы. 1. Как можно определить non-human онтологию. 2. На каких принципах она может быть построена, и каковы последствия применения данных принципов для философии. 3. Каков возможный эффект и применение онтологии объектов для переосмысления отношения «человек – окружающая среда».

Очевидно, что non-human отсылает нас к выработке такой экологической стратегии, которая бы попыталась вырваться из оков дуализма человек – природа, физистехне, и освободиться от традиционных, приписываемых экологической проблематике образов (например, связи экологии с зеленым цветом). Однако сначала необходимо рассмотреть, имеется ли вообще в истории философии природы обозначенная связь «человек – природа».

Рассматривая различные концепции в рамках философии природы, можно прийти к двум основным моделям – синкретической и дуалистической. Синкретическая модель, корнями уходящая к представлениям досократиков, утверждает единство человека, природы, Космоса, требует возвращения хозяйственной деятельности человека к естественным границам. В новоевропейской философии к ярким представителям можно отнести Руссо и Шефтсбери, в XX в. – Вернадского, Т. де Шардена и др. Дуалистическая – предполагает разделение природного и технического (фюзис и техне), субъекта и объекта. Кантианская система достаточно точно оформляет данный подход, обозначая, что природа есть оформленная система взаимообусловленных явлений, постигаемая при помощи средств инструментального разума, в то время как трансцендентальное единство и неразличимость – источник этого процесса [Кант, 2007]. Знаменитую теорию поставы Хайдеггера, излагаемую в «Вопросе о технике», тоже можно отнести ко второй модели: в ходе развития природное поставляется техническому, становясь функцией технического, что в итоге приводит к поставлению человека техническому объекту с полным снятием с него сакрального, таинственного.

Анализируя деятельность эоактивистов и энвайронменталистов с середины XX в., важно подчеркнуть, что как Римский клуб, так и «Пределы роста», доклад Брунтланд, декларация Рио, Декларация тысячелетия и т.п. работы, предпринимавшиеся в рамках выработки экологически дружественной экономики, вполне укладываются в обозначенные схемы – экологи обозначают имеющуюся в «грязной» экономике дуалистическую природу отношений «человек – окружающая среда», где окружающая среда представляет собой набор отчуждаемых ресурсов для хозяйственной деятельности человека, и требуют замены «грязной» модели на «чистую», которая предполагает учет экологических ограничений на использование ресурсов окружающей среды (в границах ее естественного восполнения). Таким образом, данный подход также дуалистический и, не побоимся этого слова, сильно антропоцентрический, акцентирующий на деятельности человека как творца и разрушителя окружающей среды.

В предлагаемой статье мы рассмотрим набирающее силу направление, предлагающее освобожденный от человеческого отношения взгляд на окружающую среду. Важно отметить, что методологическим основанием такого подхода послужил комплекс работ, обосновывающих «освобождение объектов от человека» (таких как исследования Б. Латура, Г. Хармана, Ф. Гваттари и др.). Поскольку три обозначенных выше автора сильно различаются по используемым методам, мы остановимся на подходе Г. Хармана (тем более что его использует один из авторов рассматриваемого нами направления – Тимоти Мортон [Morton, 2013]).

Новая онтология объектов

Взгляды Хармана во многом сформированы его аналитикой инструмент-бытия, которую, в свою очередь, он берет из свободного прочтения онтологии объектов Хайдеггера. Всего существует две модели онтологии объектов, развиваемых философом, – ранняя, представленная в «Бытии и времени», и модель четверицы 1950-х годов, представленная в работе «Вещь». В целях настоящей статьи рассмотрим обе.

Известное рассуждение Хайдеггера из «Бытия и времени» о принципиальной потаенности вещи сознанию являет собой пер-

вую четверицу. Сознание сталкивается не с объектом, а с полезной функцией данного объекта – то, что называется подручностью (*zuhanden*). Попытка схватывания бытия вещи производится в негативной форме – вещь раскрывается как неподручная в своей наличности – тогда, когда исполняемая ей функция не может более быть осуществлена (сломанность). В таком случае вещь оказывается выведенной из подручности присутствию, обнаженной в своей наличности, в своем вот. Однако наличность вещи (*verhanden*) – вовсе не то, что она есть, это ее негативное, скорее то, что она более не есть. Так кости – это дефектный модус человека, его наличность, однако подлинность бытия данного дефектного модуса вовсе не влечет за собой какого-либо знания о человеке, более того, именно в костях как раз человек и не содержится, кости это «не-есть человека». Данное рассуждение раскрывает второй полюс: сокрытое – явленное. Вещь оказывается явлена в своей подручности, той своей частью, которая может быть использована (*tool-being*). И при том она пребывает сокрытой в своей глубине, в своей *essencia*. И точно так же в наличности вещи (например, сломанный телефон) оказывается явлен дефектный модус вещи (негативное ее функции, телефон, который не может звонить), но ее положительное бытие оказывается сокрыто за этой негативностью (вещь более не есть то, что она есть, она снята, сломана, другая) [Хайдеггер, 2002, с. 83–88]. Таким образом, Хайдеггер в своей четверице рисует две оси напряжений: сокрытое – явленное, наличное – подручное, по которым производится исследование вещи, при этом всякий раз при выявлении чего-то о вещи, что-то о ней оказывается сокрыто. Так Хайдеггер демонстрирует принципиальную невозможность присутствия раскрыть подлинное бытие объекта непосредственно, требуя, при попытке сказать истину о вещи, учитывать все четыре полюса, в котором она одновременно пребывает как подручная-наличная-явленная-сокрытая. В какой-то мере это даже развитие мысли Парменида (в то же время нещадно критикуемого Хайдеггером за закрытие вопроса о бытии в пользу проблемы того, что познает это бытие), который применительно к объектам формулирует два типа высказываний – высказывание истинное (сокрытое наличное), доступное мудрецам, и высказывание обыденное, доступное кому угодно и согласующееся с нашим восприятием (явленное подручное).

Второй вариант четверицы Хайдеггер приводит в своем докладе «Вещь», облакая ее гельдерлинскими поэтическими формулировками – земля-небо – божества-смертные. Пытаясь устранить вечно ускользающую неявленность вещи, характерную для первой своей схемы, он задается целью рассмотреть вещь как вещь: «В чем коренится эта неявленность вещи как вещи? <...> Что же тогда такое вещь как вещь, если ее существо пока еще не смогло явиться?» [Хайдеггер, 1993, с. 319]. Рассуждение о четверице являет собой способ представить вещь, которая в различных формах дана сознанию, но при этом эти формы заслоняют собой вещь (чаша как пустое пространство, наполненное воздухом, в котором наливаемое вино вытесняет воздух, однако во всем этом нет сущности чаши). Интерпретация данного рассуждения Хайдеггера представляется важной для задачи составления онтологии вещи (на примере рассуждения о полной чаше). Смысл вещи раскрывается как «односложность четырех» – соединением всех четырех полей, которые совместно и позволяют сказать о подношении полной чаши вина [Хайдеггер, 1993, с. 321]. Новая четверица раскрывается как отношения между явленным-сокрытым, единым-многим. Так земля, даруя возможность вещи быть, посредством своих тайных процессов, происходящих в глубине – это сокрытое единое, в то время как небеса – это явленное многое, они выявляют то, что сокрыто в глубине земли, позволяют ему появиться: «В подносимой воде присутствует источник. В источнике присутствует скала, в ней – темная дрема земли, принимающей в себя дождь и росу неба. В воде источника присутствует бракосочетание неба и земли» [Хайдеггер, 1993, с. 320]. Вторая пара отношений – это множество тайных посланий божеств («Содержимое чаши – напиток, жертвуемый бессмертным богам. Подношение чаши – напитком богам – подношение в собственном смысле. В подношении посвящаемого напитка льющая чаша являет себя как подношение дара. Посвященный богам напиток есть то, что, собственно, именуется словом “возлияние”: жертвоприношение») и единственность явленности смертности («подношение чаши есть питье для смертных» [Хайдеггер, 1993, с. 320]). Так Хайдеггер объединяет два онтологических полюса – традиционный натурфилософский единое-многое и выявленный в ходе анализа подручности-наличности в «Бытии и времени» полюс явленное-сокрытое. Сказать что-то о вещи тогда означает сказать что-то о ее глубине, о ее

тайне, потаенности, множестве тайных посланий, которыми она себя может связать с миром, и о ее физических причинах проявления и практической цели использования. Мы видим, как напряжение первой четверицы (подручное-наличное) переходит во вторую, при этом целью здесь Хайдеггер видит выявить истину о вещи, раскрываемую в обозначенном единстве четырех.

Представленный выше анализ четверицы Хайдеггера, утверждающий, что раскрытие вещи – это раскрытие всех видов отношений с ней, позволяет обратиться к последующей разработке данной мысли в онтологии Грэма Хармана, который, со своей стороны, дорабатывает модель Хайдеггера и убирает ее некоторую поэтичность. Ключевым для Хармана является открытие Хайдеггером инструмент-бытия. Мост представлен не только в своей подручности – как инженерное сооружение для перехода через реку, но и как натяжение болтов, гаек и прочих конструктивных элементов (наличность), при этом в достаточной степени свободных друг от друга (настолько, насколько наличный мост свободен от подручности моста). С точки зрения Хармана, ключевая ошибка, которую делают многочисленные читатели Хайдеггера, заключается в принижении роли подручности и закрепления только за *Dasein* статуса единственного механизма приведения в подручность. Действительно, молоток может являться подручным только для руки, намеревающейся использовать его, и будет совершенно бесполезен в мире, лишенном каких-либо рук. Но даже в таком, бесчеловеческом прочтении молоток оказывается подручен поверхности, на которой он покоится и с которой пребывает в каких-либо отношениях, а связи объектов, его составляющих, и приводят к его возможности быть как подручный, т.е. поставленный чему-либо еще (быть покоящимся на столе). Ключевая ошибка Хайдеггера, по мысли Хармана, заключается в том, что обнаруживая характеристику бытия – инструмент-бытие – он в то же время отдает привилегированный статус только *Dasein*, способному своей деятельностью его изменять. Хотя на самом деле тот же молоток, которому рука не придает никакой цели (нет никакой руки), по-прежнему существует и своим существованием влияет на существование поверхности стола (однако уже не оказывает влияния на существование гвоздей).

Очевидно, эта онтология обладает той же слабостью, что и хайдеггерианская, – она ничего не может сказать о «реальном»

бытии вещей, более того, сама наличность вещи в какой то степени элиминируется – каждая вещь всегда является подручно / наличной. В связи с этим приведем современную версию мифа о пещере. Допустим, что наш узник прикован к машине, которая полностью обеспечивает все его жизненные функции. То есть он не знает ни голода, ни холода, все его первичные и вторичные желания удовлетворяются. С течением бесконечно долгого времени машина постепенно ломается – ее системы все более становятся дефективными. По мере отмирания функций машины прикованный к машине человек сталкивается с тем, что ряд его потребностей, до того удовлетворяемых автоматически, перестает удовлетворяться и, соответственно, он начинает испытывать все больший дискомфорт. В конце концов машина оказывается налична для него в момент своей полной поломки – когда прикованный к машине человек открывает (Ereignis) свое существование и существование сломанной машины и обнаруживает свою свободу [Harman, 2002, с. 88–89]. Dasein здесь предстает частью бытия и, будучи бытием, полноправно вовлечено в общение с молотками, гвоздями, машиной, традициями и ценностями [Harman, 2002, с. 131].

В более поздних работах Харман развивает идею инструмент-бытия, добавляя к четверице Хайдеггера дополнительные связи. Онтография (а именно так предлагает назвать дисциплину, занимающуюся созданием разнообразных формул отношений вещей Харман) представляет четыре типа напряжений (доработанная схема четверицы Хайдеггера), три типа излучений и три типа соединения. Четыре полюса напряжений (или доработанной четверицы) следующие: пространство, время, эйдос, сущность. Пространство – сокрытый реальный объект и явленное чувственное качество, время – чувственный объект и чувственное качество, эйдос – чувственный объект и реальное качество, сущность – реальный объект, реальное качество [Харман, 2015, с. 100–103]. При этом сущность по-прежнему оказывается изъята из любого доступа, так как о реальном объекте возможно говорить только опосредованно, так как это отношение не является частью опыта (что объект, что его качества (реальные) оказываются всегда изъяты из опыта. Что еще более интересно, реальный объект – всегда единица, некоторое единство, целостность, в то время как его качеств – несколько. Харман в качестве примера приводит в качестве объекта Юпитер, окруженный множеством спутников. При этом предпола-

гается, что реальный объект не имеет собственных, отделимых от него сущностных свойств (в противном случае он не был бы целостностью, единичностью, монадой), следовательно, реальные качества присваиваются, прикрепляются ему посредством некоторого медиатора (Харман называет этот процесс «аллюр») [Харман, 2015, с. 106]. В качестве примера такого посредничества можно привести аллюр между пространством RO-SQ (реальный объект – чувственное качество), где посредством сенсорной стимуляции задается нечто пространственное как необходимо реальное для существования данного чувственного качества, прикрепленного к реальному объекту, и эйдоса, где между объектом-в-сознании (чувственным объектом) и реальным качеством проявляется реальное качество, что, в свою очередь, позволяет установить аллюр между реальным объектом и его качеством, поскольку идею четверицы, неотделимости всех отношений для схватывания сущности вещи Харман не только сохраняет от Хайдеггера, но и развивает (не ограничиваясь лишь присвоением новых наименований и установлением отсылок к авторам, делавшим акцент на том или ином элементе четверицы, в случае сущности речь идет, конечно, о Лейбнице).

Затем четверица расширяется, к ней добавляется еще шесть связей (реальный объект – реальный объект, чувственный объект – чувственный объект, реальное качество – реальное качество, чувственное качество – чувственное качество, реальный объект – чувственный объект, реальное качество – чувственное качество) и здесь возникает соблазн утверждать, что Харман говорит о принципиальной возможности установления связей чего угодно с чем угодно. Важно обозначить, что в некоторых случаях данная связь является опосредованной наличием какой-либо иной связи, предшествующей данной (так устанавливается, например, связь между реальным объектом и реальным качеством в вышеприведенном примере). Однако установление связи между любыми объектами, та точка зрения, что отношения горы и камня столь же значимы, как отношения между Менделеевым и химическими элементами, возможно при условии понимания того, какие еще отношения входят в данные отношения – Харман в общем-то сохраняет идею Хайдеггера о «единстве четырех», только в данном случае речь идет о единстве десяти, где ни одно из отношений не становится более привилегированным чем остальные, более того,

его прочтение (регистрация) оказывается возможно за счет существования остальных девяти.

Возможности применения принципов новой онтологии объектов в экокритицизме

Появление новых онтологий объектов позволило ряду исследователей приступить к переосмыслению традиционных воззрений в экокритицизме. Интерес представляет, например, книга Буэла «Будущее энвайронмент критицизма» [Buel, 2005] (рассматривает слияние этики, искусства, политики и окружающей среды) и проект *Prismatic ecology* – сборник статей, написанных ведущими авторами в области экокритицизма (под ред. Джеффри Козна) [Cohen, 2013], которые объединены вокруг идеи цветов радуги и различных образов окружающей среды, возникающей с доминированием того или иного цвета спектра. Основной атаке, само собой, подвергается устоявшийся образ окружающей среды, как связанный с «зеленым».

Однако нас интересуют возможности применения новой онтологии к данной области и последствия этого применения. Для этого рассмотрим несколько примеров. Обратимся к достаточно развернутому примеру, приводимому Джеффри Козном в статье «Экологическая радуга» [Cohen, 2013], с нашими дополнениями и интерпретациями. Способность человека к манипулированию объектами и изменению окружающей среды не вызывает сомнения. Ярким примером такой способности является создание принципиально новых объектов – в виде художественного творчества. В качестве примера можно рассмотреть процесс создания картины (Козн приводит картину Джеймса ле Палмера «Цвет»). На картине изображен художник, приступающий к написанию картины. Перед ним выставлены краски, представленные в соответствии с традиционным средневековым символическим порядком, и белое полотно, символизирующее начало Творения. Хайдеггер забрал у животных, камней, растений данную способность, оставив ее только за *Dasein*, ответственного за *zuhanden* – подручный модус вещи. Может ли река, в свою очередь, изменять окружающую среду, т.е. делать что-либо подручным для себя? Может ли река стать своего рода тоже «художником»?

Рассмотрим пример Миссисипи – крупнейшей водной артерии Северной Америки. Существует естественный процесс – авульсия (блуждание дельты), который заключается в том, что в нижней Миссисипи накапливаются наносы, которые раз в 1000 лет приводят к смене дельты – вода поднимается и находит более короткие пути в залив. При этом старое русло зарастает и превращается в байю. За последние 5000 лет берег Луизианы продвинулся в сторону залива на 25 км. Мы видим, что река влияет на объекты, делает подручными себе глину и все материалы, попадающиеся ей в процессе прокладывания своего русла. Конечно, это процесс значительно различающийся и по времени и по сути с написанием картины, но тем не менее река в рамках отношений с различными природными и геологическими объектами приводит к значительному изменению окружающей среды (расширение дельты, затопление определенных регионов, заболачивание, изменение экосистемы и пр.). При этом данный процесс может оказаться и разрушительным – примером чему служит борьба Нового Орлеана с рекой, продолжающаяся более 200 лет. Новый Орлеан возник как экономически важный порт, соединяющий крупнейшую реку с морем, но за годы его существования авульсия подняла уровень воды, и город оказался ниже уровня моря. Система защитных дамб, дренажей и перемычек, созданная вокруг Нового Орлеана, защищает город от затопления, однако ураган «Катрина» 29 августа 2005 г. разрушил часть дамб, приведя к крупнейшему и катастрофическому наводнению (в США был объявлен режим чрезвычайной ситуации).

Возможно ли каким-то образом попытаться мыслить отношение «человек – окружающая среда» не катастрофически, вне дискурсов, связанных с консервацией (сохранение стабильности окружающей среды ввиду негативного воздействия человека, отчуждающего ресурсы под свои хозяйственные нужды) или адаптацией (подстраивание человека, его хозяйственной деятельности, инфраструктуры к чрезвычайным ситуациям, вызванным изменением климата). Одну из таких попыток предпринимает в своем творчестве композитор и экоактивист Джон Лютер Адамс, переехавший в Аляску, поскольку она стала источником вдохновения для его творчества.

В рассмотренных выше примерах нас интересовала среда (или контекст), в которой выделялся или с которой взаимодейст-

вовал объект. При этом объект никак не может быть отчужден от среды: художник, изображенный как художник, собирающийся рисовать на полотне, – уже помещен в среду, воды Миссисипи приводящие к авульсии – уже есть та среда, которая производит авульсию. Инструмент-бытие одновременно обладает двумя модусами – «быть как нечто специфическое» и «быть как быть вообще». Очень отчетливо данная схема просматривается в ряде работ Адамса.

В качестве примера рассмотрим его инсталляцию в Музее Севера (Аляска): *A Place Where you go to Listen* [1]. Композиция представляет собой инсталляцию в реальном времени: с пяти метеорологических станций Центра Аляски о предупреждении землетрясений и со всех метеорологических станций Аляски поступают данные в режиме реального времени, которые затем переводятся в звук через фильтры розового шума (розовый шум – это белый шум за вычетом высоких частот, в результате производится «естественный» шум среды, ветра, волн и прочего). Таким образом, струнные, ударные и прочие инструменты оркестра приводятся в действие при помощи современной аппаратуры метеорологии и компьютерной обработки этих данных, на выходе выдавая эмуляцию звуков среды при помощи оркестра. Так искусство оказывается встроено в среду – барабан и скрипка становятся такой же частью экспозиции, как крики птиц или айсберг, а сама экспозиция представляет собой нечто иное, как помещенную в форму музея естественную среду Севера. На сбор данных оказывают влияние такие факты, как ритмы дня и ночи, фазы луны, погодные условия, сеймические данные о магнитном поле Земли. Произведение раскрывается в соответствии с естественным ритмом – изменение музыки может происходить в течение часов или дней, в зависимости от обозначенных выше факторов. Машина, фильтрующая шум, встроена в программы обработки данных циклов дня / ночи, в погодную программу и прочее, которые в своей совокупности формируют машину, имитирующую окружающую среду, основанием которой является сама окружающая среда. При этом представленность данной инсталляции как объекта искусства отделяет цифровую версию окружающей среды от натуральной версии, но не жестко, а мембранообразно (как метафора осмоса Гваттари [Guattari, 1995], через который Хаос и Космос взаимопроникаются друг в друга, где ризома, в своей хаотичности, имеет потенцию стать Космосом). С одной стороны – инсталляция отдельный

объект, с другой стороны – это форма представления окружающей среды как если бы представление окружающей среды было очищено от восприятия человека, наконец, сама технология подразумевает осмос – данные, поступающие от окружающей среды, постоянно обновляются – реальная окружающая среда, схватываемая при помощи технических средств отображается музыкально.

Таким образом, инсталляция представляет собой бесконечно длящееся событие бытия (бытия как нечтовости – почти стоицистскую интерпретацию природы, где она предстает как процесс и как событие [Cohen, 2013]). При этом рассмотренная нами выше хармановская категория инструмент-бытия здесь более чем уместна, действительно, инсталляция представляет собой взаимодействие между четырьмя полями – наличность-подручность; нечтовость (всеобщность) – партикулярность. При этом на выходе бытие не преподносит себя, однако, как в случае с хайдеггеровской чашей, Адамс дает возможность попытаться ухватить *Geheimnis* фьюзиса при помощи ассамблеи операций, составленной из трех сфер – науки, искусства и собственно природы. Так цифровая звуковая версия окружающей среды при всей своей подручности (она есть сложно организованный технический прибор, в задачи которого входит наложение фильтра розового шума, представление звуков, поступающих из метеорологических центров как если бы это были звуки «естественной» среды и т.д.); в свою очередь указывает на наличность природной среды в данном техническом средстве в ее экстазисе (посредством этого «как звуки естественной среды», наличность которых вскрывается технологией); бытийственность окружающей среды и ее партикулярность в инсталляции, вырезающей из нее кусок, представленный в звуке.

Другой пример – *Strange and Sacred Noise* (Странный и сакральный шум) – другое произведение композитора, также совмещающее все три сферы – искусство, науку и окружающую среду. Это секстет, первая и последние части которого в ударной партии в точности воспроизводят канторовскую пыль. Шум здесь, в отличие от музыки Джона Кейджа («4 минуты 33 секунды», к примеру), являет собой не статику, но динамику, вариативность в своих мельчайших частях. Первая часть «Прах к праху» (*Dust into Dust*), написанная для двух малых и двух полевых барабанов, является звучащим аналогом «канторовой пыли», а в основе пятой части (маримбы, виброфоны, колокольчики) – так называемая губка

Менгера. Природа шума позволяет увидеть в звуковом контексте явление, не превосходящее по сложности мельчайшие из своих частиц, каждая из которых, в свою очередь, не менее сложна, чем явление в целом, при этом подчиняющееся некоторому инструментальному (операционному) принципу (в данном случае – множеству Кантора).

Концепция шума, по Адамсу, заключена в том, что шум является собой способ слушания музыкой природы – в данном примере природы оседающей пыли.

Таким образом, музыка Адамса – это способ слушания окружающей среды («место, в которое можно пойти, чтобы слушать» – концепция раскрыта самим названием инсталляции). Адамс, вслед за Ивсом и Кейджем, убирает из музыкального произведения автора, оставляя музыку как ту, что вписано, то, что резонирует от порождающего ее окружения. Природу не нужно переводить, репрезентировать и прочее – она уже звучит, она есть. Человеческая деятельность перестает являться той линией раздела между естественным и искусственным, она оказывается тесно вплетена в то звучание природы, которое звучит. И в этом смысле, конечно, идейным вдохновителем является Торо с его экспериментом простой жизни, описанной в «Уолден, или Жизнь в лесу». Однако отличие Адамса от Торо состоит в том, что он соединяет в неразделимый комплекс природу, технические средства, призванные ее регистрировать, модели человеческой репрезентации и показывает неотделимость полученного от той исходной изначальной окружающей среды, которая являлась истоком для произведения. Исходная нечтовость есть соединяется при помощи операций науки и искусства в ее бытийственность отдельной вещи, которая указывает на эту исходную нечтовость.

Заключение

Проведенный в настоящей работе анализ продемонстрировал основания для рассмотрения экологии как обесчеловеченной, лишённой центра в виде глаза или оценивающей репрезентации, и в то же время позволяющей работать с объектами (на основании объектно ориентированной онтологии). Данный подход нашел свое плодотворное применение в современном искусстве, расши-

ряющем понятие окружающей среды до соединения (вплоть до неразличимости) природы, технологии и искусства, и при этом снимая понятие формы, навязанное всей историей эстетики, – в рассматриваемых в статье примерах музыки Адамса форма задавалась либо операциональной математической структурой, либо операциональными механизмами выделения розового шума, т.е. той частью технологии, которая стремится к бессубъектности. Снятие же связанности с познавательными и иными способностями человека (субъектности в конечном счете) приводит, в свою очередь, к достаточно большому спектру возможных интерпретаций получаемого произведения, при этом раскрывая окружающую среду как она есть. Однако полученная «как структура» вовсе не дает доступа к непосредственному объекту – непосредственной окружающей среде – она указывает лишь на различные, но не связанные непосредственно с человеческой субъективностью связи и отношения объектов и операций (в случае с Адамсом это звуки окружающей среды, получаемые через фильтр розового шума, установленного на метеостанциях, в свою очередь пропускаемые через акустическую систему и синтезируемые для воспроизводства техническими средствами инсталляции в музее). Доступа к инструмент-бытию объекта здесь нет – хотя возможность рассмотрения вместо «зеленой» красной или белой экологии вполне уместна и результативна для различных практик как экологических, так и в рамках искусства (если нет фокусировки на *Dasein*, если что угодно обладает той же принципиальной способностью, то можно представить любой объект «как» что угодно (в рамках, конечно, уместности), выражая его исходную нечтовость). Тем не менее замена единственной репрезентации ансамблем (осмосом, сборкой и пр.) отношений и операций открывает широкие перспективы как для экокритицизма, так и в целом для онтологии.

Список литературы

- Адамс Дж.Л. Инсталляция *A Place Where You Go To Listen*, Музей Севера, Аляска. – Режим доступа: <https://www.uaf.edu/museum/exhibits/galleries/the-place-where-you-go-to/>
- Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию. – М.: Ad Marginem Press, 2018. – 336 с.

- Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. – М: ЭКСМО, 2007. – 736 с.
- Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В.В. Библихина. – СПб.: Наука, 2002. – 452 с.
- Хайдеггер М. Время и бытие / пер. В.В. Библихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
- Харман Г. Четвероякий объект: онтология вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозов, О. Мышкин. – Пермь: Гиле Пресс, 2015. – 152 с.
- Buel L. The future of environmental criticism environmental crisis and literary imagination. – New Jersey: Blackwell Publishing, 2005. – 206 p.
- Cohen J.J. Ecology's Rainbow // Prismatic Ecology: Ecotheory beyond Green / Ed. J.J. Cohen. – Minneapolis; London: Minnesota University Press, 2013. – P. xv–xxxvi.
- Guattari F. Chaosmosis an ethico-aesthetic paradigm. – Bloomington: Indiana University Press, 1995. – 136 p.
- Harman G. Tool-being. Heidegger and Metaphysics of the Objects. – Chicago: Open Court, 2002. – 343 p.
- Heise U.K. Sense of Place and Sense of Planet: The Environmental Imagination of the Global. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 243 p.
- Morton T. The Ecological Thought. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2010. – 161 p.
- Morton T. Realist Magic: Objects, Ontology, Causality. – Ann Arbor: Open Humanities Press: University of Michigan Library, 2013. – 233 p.

References

- Adams J.L. Installation A Place Where You Go To Listen, Museum of North, Alaska. – Режим доступа: <https://www.uaf.edu/museum/exhibits/galleries/the-place-where-you-go-to/>
- Latur, Bruno (2018). Politiki prirody. Kak privit naukam demokratiyu [Politiques de la nature. Comment faire entrer les sciences en democratie]
- Kant, I. (2007). Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. per. s nem. N. Losskogo; primech. C.G. Arza-kanyana. – М: EKSMO, 2007. – 736 p.
- Heidegger, Martin. (2002). Bytie i vremya. [Being and Time]. Per. V.V. Bibihina. SPb.: Nauka, 2002. – 452 p.
- Heidegger, Martin. (2002). Vremya i bytie. [Time and Being]. Per. V.V. Bibihina. – М.: Respublika, 1993. – 447 p.
- Harman, Graham (2015). Chetveroyakij ob"ekt: ontologiya veshchej posle Hajdeggera / per. angl. A. Morozov i O. Myshkin. – Per'm: Gile Press, 2015. – 152 p.
- Buel, Lawrence (2005). The future of environmental criticism environmental crisis and literary imagination /L. Buel. – Blackwell Publishing, 2005. 206 p.
- Cohen, J.J. (2015). Ecology's Rainbow // Prismatic Ecology: Ecotheory beyond Green. Ed. J.J. Cohen. Minneapolis, London: Minnesota University Press, 2013.
- Guattari, Felix (1995). Chaosmosis an ethico-aesthetic paradigm /F. Guattari. – Indiana University Press, 1995. 136 p.

- Harman, Graham (2002). Tool-being. Heidegger and Metaphysics of the Objects / G. Harman. – Chicago: Open Court, 2002. 343 p.
- Heise, Ursula K. (2008). Sense of Place and Sense of Planet: The Environmental Imagination of the Global /U.K. Heise. – Oxford: Oxford University Press, 2008. 243 p.
- Morton, Timothy (2010). The Ecological Thought /T. Morton. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2010, 161 p.
- Morton, Timothy (2013). Realist Magic: Objects, Ontology, Causality /T. Morton. – Open Humanities Press, University of Michigan Library, Ann Arbor, 2013. 233 p.